

П.А. Миртов

Назианский отшельник

**Очерки из жизни св. Григория
Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **П.А. Миртов**
Назианский отшельник: Очерки из жизни св. Григория Богослова / П.А.
Миртов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 90 с.

ISBN 978-5-518-06810-0

ISBN 978-5-518-06810-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

По одному изъ предгорій засѣла большая, тѣнистая роща, изъ которой низвергался въ долину шумный, болтливый ручей, своей влагой поившій распустившуюся кругомъ яркую зелень.

Это и была Аріанза! Тишиной и миромъ вѣяло вокругъ нея...

Но достаточно было бросить бѣглый взглядъ на неуклюжія хижины, лѣпившіяся по склону холма и въ безпорядкѣ разбросанныя по долинѣ, чтобы понять, какъ бѣдна и неприглядна была жизнь обитателей этого небольшого поселка. Только одинъ домъ выдѣлялся изъ ряда другихъ своимъ благоустройствомъ. Онъ принадлежалъ Григорію, епископу Назіанза, и, вмѣстѣ съ полями и садомъ, составлялъ его родовое имѣніе. Часто, особенно въ лѣтнее время, наѣзжалъ сюда изъ города епископъ со своимъ небольшимъ семействомъ, — и тогда этотъ просторный домъ оживалъ. Онъ наполнялся дѣтскимъ шумомъ и гамомъ, не смолкавшимъ въ теченіе цѣлаго лѣта, — и молодой смѣхъ, звонкіе, радостные возгласы дѣтей то и дѣло раздавались въ густыхъ аллеяхъ прилегавшаго къ имѣнію сада...

Дни жизни Григорія въ Аріанзѣ были праздникомъ для ея обитателей... Всѣ любили добраго, привѣтливаго старца — епископа... Но если онъ пользовался глубокимъ почтеніемъ въ Назіанзѣ за свою благочестивую жизнь и торжественныя богослуженія, то здѣсь, въ Аріанзѣ какъ-то больше привыкли всѣ видѣть въ немъ радушнаго хозяина и благодушнаго землевладѣльца...

Много слугъ работало на его поляхъ и огородахъ, — и никто никогда имъ не былъ обиженъ при расчетѣ: всѣ и всегда получали сполна договоренную плату, а иногда сверхъ ея и небольшую прибавку и уходили довольные, благословляя милосердаго епископа. Не меньшую любовь питалъ народъ и къ его достойной супругѣ... Всѣ знали и почитали благочестивую Нонну... Здѣшнему населенію, подавленному голодомъ и страшной нуждой, хорошо извѣстно было это доброе, отзывчивое сердце, которое и въ Назіанзѣ пріобрѣло ей всеобщую любовь и благодарность.

Аріанзская бѣднота не разъ испытывала на себѣ щедрость руки благочестивой женщины и всѣ были твердо увѣрены, что сказанныя нѣкогда ею слова: „если понадобится, то я могу продать даже себя и своихъ дѣтей въ рабство, чтобы достать денегъ для бѣдныхъ“, — не были только красивой, но пустой фразой... Нѣтъ: все, что только ни говорилось ею, говорилось всегда отъ сердца, отъ убѣжденія, — и каждое дѣло было порывомъ ея благородной души...

Кромѣ того, благодатный миръ, царившій въ этой семьѣ; любовь, объединявшая всѣхъ ея членовъ, — все это невольно притягивало всякаго къ дому добраго епископа и дѣлало его для многихъ счастливымъ, привѣтливимъ, райскимъ уголкомъ. Всякому, кто только попадалъ сюда, чувствовалось тепло и пріятно: столько онъ встрѣчалъ здѣсь сердечности, ласки и вниманія.

— Эти добрые супруги, — точно Авраамъ и

Сарра! говорили всѣ, испытавшіе на себѣ гостепріимное радушіе Григорія и Нонны... Семья епископа, дѣйствительно, была той „домашнею церковію“, въ которую, по апостольскому завѣту, должны слагаться каждый семейный союзъ. Родители, — отецъ и мать, здѣсь не просто жили: они священнодѣйствовали....

Сами, полные вѣры и любви къ Богу, они переливали богатства своей души и въ сердца юныхъ дѣтей. И все это совершалось такъ же просто, съ такой же естественностью и закономѣрностью, съ какой на хорошо ухоженномъ деревѣ появляется прекрасный плодъ...

Григорій, Кесарій и Горгонія, — какъ звали дѣтей епископа и его супруги Нонны, — были истиннымъ утѣшеніемъ и отрадой для нихъ. Но едва ли не ближе и не дороже всѣхъ родительскому сердцу былъ рѣзвый, живой, ласковый Григорій, дитя усиленныхъ молитвъ и обѣта, а потомъ, впоследствии — опора ихъ старости.

Вмѣстѣ съ нимъ — своимъ любимцемъ — и направлялась сейчасъ въ Аріанзу Нонна, которая всегда удачно умѣла соединять въ себѣ заботливость хозяйственной женщины-хлопотуньи съ ревностью благочестивой христіанки... „Когда она занята была религиозными упражненіями, — замѣчаетъ по этому поводу одинъ историкъ, — никто не могъ бы подумать, что у нея есть хотя одна земная забота; когда она была занята хозяйственными дѣлами, то никто бы не могъ подумать о глубинѣ ея благочестія“.

И теперь эта примѣрная супруга и мать, образцовая христіанка и домовитая хозяйка спѣшила въ свое родовое имѣніе, чтобы приготовить тамъ все необходимое для переѣзда сюда на лѣтнее время всей своей семьи...

— А вотъ и наша Аріанза! — радостно вскричалъ малютка... Смотри, смотри, мама, какъ распустились деревья... А ты слышишь, какъ звонкія цикады привѣтствуютъ весну и солнце!

И живой мальчикъ, всматривавшійся во все восхищеннымъ взглядомъ, захопалъ въ ладоши: онъ не могъ сдержать прилива дѣтской радости и восторга, который охватилъ все его существо, при видѣ тихой, любимой деревни...

Населеніе Аріанзы, встрѣчавшееся нашимъ путникамъ при вѣздѣ въ улицу, радостно привѣтствовало ихъ и провожало добрыми сочувственными взглядами до самаго дома, гдѣ уже слуги почтительно вышли для встрѣчи своей любимой госпожи...

Много выпало хлопотъ на долю Нонны въ этотъ день. Всякое, даже мелкое дѣло ждало ея рукъ или личныхъ указаній... До самаго вечера слышался ея голосъ, отдававшій всѣмъ распоряженія по хозяйству...

А когда солнце стало садиться и вечернія тѣни побѣжали по землѣ, благочестивая Нонна, въ сопровожденіи своего мальчика, поспѣшно направилась въ хижины бѣдняковъ. Это былъ ея обычный, ежедневный обходъ. И куда только ни заходила она, всюду вносила съ собой утѣшенье, ласку, привѣтъ, а, гдѣ нужно было, — и вещественную помощь.

Уже теплая, весенняя ночь давно спустилась надъ селомъ и кругомъ разлился влажный, пріятный ароматъ ея, когда благочестивая Нонна возвращалась домой. Она не прошла въ комнаты, а осталась съ своимъ малюткой на крылечкѣ, любуясь оттуда яснымъ, ночнымъ небомъ.

Безпредѣльнымъ куполомъ раскинулось оно надъ дремлющей землей и глядѣло съ высоты на нее миліонами яркихъ очей.

Какія-то таинственныя ощущенія пробуждали въ душѣ эти тихо мерцающія звѣзды... На сердцѣ поднималась и трепетала сладкая грусть... Чувствовалась потребность оторваться отъ земли и погрузиться не мыслію только,—а всѣмъ существомъ своимъ въ необозримые міры, которые такъ манили своей непроницаемой тайной.

Невольно и мать, и сынъ поддались тому мечтательному настроенію, которое навѣвала на нихъ тихая, точно зачарованная ночь, и молча смотрѣли на небо... Тишину ночи нарушалъ только однообразный лепетъ ручья, вытекавшаго изъ ближней рощи...

— Мама! видишь вонъ эту голубую, яркую звѣздочку,—заговорилъ вдругъ мальчикъ; прижимаясь къ матери.— Посмотри, какъ она красиво переливается огоньками и точно мигаетъ намъ съ неба... Я долго любовался ею, и она мнѣ напомнила сегодняшній сонъ... Знаешь, что я видѣлъ сегодня? Я сейчасъ это тебѣ расскажу...

Какъ бы для большей свободы движеній, мальчикъ отклонился отъ матери, подвернулъ подъ себя

калачиномъ ножки, и, устремивъ свой взглядъ на золотыя точки, которыми густо усѣянъ былъ ночной небосклонъ, тихимъ голосомъ началъ передавать свое сновидѣніе.

— Мнѣ снилось, — таинственно, полушопотомъ заговорилъ юный рассказчикъ, — что будто-бы та комната, въ которой я лежалъ, наполнилась свѣтомъ... Онъ былъ необыкновенно нѣженъ и мягокъ... Озаренныя имъ подошли ко мнѣ двѣ прекраснѣйшія дѣвицы... Онѣ были одинаковаго возраста и красоты. Длинныя, бѣлыя одежды облегали ихъ станъ. На лицахъ лежали прозрачныя покрывала, которыя затѣняли, но не скрывали яркости ихъ глазъ и румянца скромности на щекахъ... Дѣвицы подошли ко мнѣ съ добрыми, ласковыми взглядами, — и когда я спросилъ ихъ имена, то онѣ сказали мнѣ, что ихъ зовутъ — одну „Чистотой“, а другую „Цѣломудріемъ“, что онѣ спутницы Христа Спасителя и подруги всѣхъ, кто отказывается отъ земныхъ узъ съ цѣлю посвятить себя совершенно благочестивой жизни.

— Сочетай свой духъ съ нами! ласково улыбаясь, воскликнули онѣ, — и затѣмъ исчезли на небеса...

Нонна внимательно вслушивалась въ вдохновенный рассказъ своего сына... Какія-то таинственныя полутѣни легли на ея лицо... Глубокіе глаза, горѣвшіе, какъ звѣзды ночью, — заблестѣли невольной слезой... Чувство умиленія залило ея душу... Сновидѣніе сына пробудило въ ней далекія воспоминанія, при свѣтѣ которыхъ слова дѣвицъ показались теперь ей полными пророческаго смысла и значенія.

Прошло уже слишкомъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ у нея родился этотъ впечатлительный, вдумчивый, порывистый и дорогой ей мальчикъ. Онъ поражалъ всѣхъ живостью своего темперамента и нѣжностью дѣтскаго, незлобиваго сердца...

Многіе проникательные люди предсказывали, что этотъ ребенокъ съ большимъ будущимъ, что въ немъ таятся и зрѣютъ великія силы, которыя современемъ блестяще развернутся для пользы общества и церкви...

И дѣйствительно: даже самыя обстоятельства его рожденія предуказывали повидимому великое назначеніе замѣчательнаго отрока...

Григорій, прозванный впоследствии по мѣсту происхожденія Назіанзиномъ, а за свои замѣчательныя творенія — Богословомъ, родился около 330 года, черезъ пять лѣтъ послѣ крещенія своего отца...

Послѣдній, носившій то же самое имя, какъ и его знаменитый сынъ, принадлежалъ къ хорошей фамиліи, обладалъ видной наружностью и пользовался широкимъ почетомъ среди всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Воспитанный въ христіанскомъ семействѣ, онъ столкнулся съ сектой „озаренныхъ теистовъ“, извѣстныхъ подъ названіемъ „ипсистеріанъ“, и вступилъ въ ряды ея.

Поклоняясь Богу, какъ „высочайшему“, сектанты къ своимъ христіанскимъ воззрѣніямъ примѣшивали нѣчто изъ персидской религіи и іудейскихъ взглядовъ. Правда, они не были идолопоклонниками въ собственномъ смыслѣ. Всякаго рода кумиры и жертвы ими отвергались. Но все же они часто мыслили о Богѣ

и поклонялись Ему подъ образами свѣта и огня. Это заимствованіе было персидское. Изъ іудейскихъ обычаевъ и воззрѣній сектанты удержали празднованіе седьмого дня вмѣсто перваго и правила относительно чистой и нечистой пищи...

Нравственно безупречный, строгій къ себѣ въ каждомъ шагѣ жизни, Григорій своимъ еретическимъ увлеченіемъ причинялъ острую боль сердцу любящей жены... Самымъ завѣтнымъ желаніемъ для Нонны въ это время было видѣть обращеніе мужа. Объ этомъ она часто и горячо молилась въ бессонныя ночи.

Не разблѣненный разсвѣтъ утра заставлялъ благочестивую женщину въ слезахъ, склоненной предъ иконами... Уста ея шептали все одну и ту же знакомую мольбу...

И сила молитвы, наконецъ, побѣдила.

Давно уже скорбное, отуманенное затаенной грустью лицо Нонны бросалось въ глаза ея мужу. Не разъ и подолгу останавливалъ онъ свои пытливые взоры на немъ. Онъ видѣлъ, какъ мучилась его жена, какъ тревожило эту глубоко вѣрующую и благочестивую женщину его отпаденіе отъ истиннаго христіанства,—и мысль о поворотѣ на новый путь жизни и вѣры робко начала закрадываться въ душу Григорія. Чудесное сновидѣніе положило конецъ его колебаніямъ... Однажды ему приснилось, что онъ пѣлъ первый стихъ СXXI-го псалма: „возрадовался я, когда сказали мнѣ: пойдемъ въ домъ Господень“.

Что-то новое, незнакомое затрепетало вдругъ въ сердцѣ Григорія. Сонъ произвелъ сильное дѣйствіе

на его впечатлительную душу. Его потянуло въ храмъ... И здѣсь, выплакавъ предъ Богомъ свои заблужденія, почтенный Григорій рѣшилъ окончательно оставить увлеченія ересью,—и съ того времени сдѣлался послушнымъ сыномъ и ревностнымъ почитателемъ Церкви...

Это было въ 325 году, когда со всѣхъ концовъ христіанскаго міра съѣзжались епископы въ Никею, на вселенскій соборъ...

Многимъ, въ томъ числѣ и Леонтію Кесарійскому, лежалъ путь чрезъ Назіанзъ.

Когда епископы остановились въ этомъ городѣ, то Григорій и обратился къ нимъ съ просьбою крестить его.

Крещеніе Григорія было знаменательнымъ событіемъ для всей его семьи; для благочестивой же Нонны оно осталось незабвеннымъ на всю жизнь...

Часто, въ минуты досуга, тихимъ вечеромъ, когда дѣти на крылечкѣ дома разсаживались вокругъ матери, она любила погружаться въ воспоминанія и всего чаще съ присушимъ ей воодушевленіемъ рассказывала, какъ крестился Григорій.

Особенно трогательнымъ и полнымъ таинственныхъ предзнаменованій показался многимъ тотъ моментъ, когда Григорій съ благоговѣніемъ, колѣнопреклоненный принималъ крещеніе и надъ его головой вѣнцомъ заблестало сіяніе. Присутствовавшій при этомъ Назіанзскій епископъ не ошибся, когда сдѣлалъ предсказаніе, что Григорій будетъ его преемникомъ.

Дѣйствительно, чрезъ небольшой промежутокъ времени онъ былъ рукоположенъ во пресвитера, а

въ 329 году получилъ тутъ же, въ родномъ городѣ епископскую кафедру.

Много прожившимъ, но еще далеко не дряхлымъ, — уравновѣшеннымъ, но не утратившимъ пылкаго, огненнаго сердца вступалъ въ епископское служеніе Григоріи: ему было пятьдесятъ лѣтъ. Спокойная, пожалуй, величавая внѣшность общала долгое служеніе. И дѣйствительно, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ несъ на своихъ раменахъ тяжелый крестъ архипастырства этотъ назіанзскій епископъ и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ кормило управленія отечественной церковію.

Въ первый же годъ епископства, черезъ пять лѣтъ послѣ крещенія, — именно въ 330 году Григорій былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Это было дитя молитвъ и обѣта.

Давнишнимъ и завѣтнымъ желаніемъ Нонны было имѣть мальчика.

Счастливая исполненіемъ одной горячей мольбы, съ которой она денно и ночью обращалась ко Господу, Нонна теперь вмѣстѣ съ своимъ мужемъ епископомъ возноситъ Богу другую дерзновенную молитву... Какъ Анна — мать пророка Самуила, такъ и она хочетъ купить себѣ радость материнства цѣною обѣта...

Ужъ полночь. Затихли улицы Назіанза... Только развѣ вой сторожевой собаки нарушить иногда молчаніе ночи. Все спитъ кругомъ; тонетъ городъ во мракѣ... Лишь въ домикѣ епископа маленькой точкой свѣтится огонекъ; то благочестивая Нонна,